

Джеймс Такер

Оруэлл и правые

Оригинал: James Tucker. Orwell & the Right

Источник: <https://counter-currents.com/2022/01/orwell-the-right/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Всякий раз, когда консерватор или правый обвиняет левых в том, что они действуют подобно партии из романа Джорджа Оруэлла «1984», левые обязательно в унисон восклицают: «Разве вы не знаете, что Джордж Оруэлл был социалистом!» Подразумевается, что особенно в эти политически поляризованные времена Оруэлл является собственностью левых. Он носил их форму, поэтому правые, ссылаясь на его имя, совершают своего рода кражу.

Самые известные произведения Оруэлла, «Скотный двор» и «1984», являются мрачной сатирой именно на эту позицию: мысли человека должны принадлежать какой-то политической фракции, и эта политическая фракция имеет на них какие-то права. Это ребяческий аргумент, который не может честно привести ни один человек с критическими мыслями в голове, который взялся за

«Скотный двор» или «1984», не отвергнув немедленно принципы, которые пытался донести Оруэлл, но он поднимает интересные вопросы. Почему большинство современных поклонников Оруэлла, самопровозглашенного социалиста, сражавшегося на стороне троцкистской Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ) во время Гражданской войны в Испании, – правые? А кем был сам Оруэлл, этот левак, столь любимый консерваторами? Во что на самом деле верил Оруэлл и почему его произведения, особенно «1984», оказали такое влияние на многих?

Самый очевидный ответ на первый вопрос состоит в том, что Оруэлл был противником авторитаризма. В 1900 году, когда большей частью Европы правили монархии, правые, как правило, имели сильную склонность к авторитаризму, а левых привлекали анархистские и либертарианские идеи. В то время как многие из этих радикалов были, подобно Эмме Гольдман, жестокими и деструктивными, стремящимися разорвать общество на куски, другие, от интеллектуальных лидеров, таких как Петр Кропоткин и Уильям Моррис, до скромных американских рабочих, которые намеревались создать утопические сообщества, были настоящими идеалистами. Для всех, кто отрицательно относится к современному режиму, особенно если у них есть альтернативное видение (по их мнению) лучшего общества, антиавторитаризм обладает естественной привлекательностью. И если люди поступают не так, как, по их мнению, они должны поступать, то общество и, следовательно, правящая элита, устанавливающая стандарты убеждений и поведения, являются явными злодеями.

Враждебность к конкретной элите естественным образом обобщается и переходит в недоверие к власти вообще. В девятнадцатом веке левые интеллектуалы были привлечены идеей Руссо об естественной добродетели человека. Энгельс считал, что уничтожение опирающейся на имущественные права семьи приведет к торжеству моногамных связей, основанных на любви, и к естественному исчезновению пороков прелюбодеяния и распущенности. Кропоткин мечтал, что благодаря отмене заработной платы все люди стали бы охотно работать по четыре часа в день на общее благо и могли бы свободно брать из общего фонда, беря не больше, чем им действительно нужно для их потребностей.

У современных консерваторов нет столь фантастических видений, но они относятся к своим правителям так же, как и левые девятнадцатого века. С начала двадцатого века, когда левые и рабочие движения начали побеждать в политических реформах, консерваторы выражали скептицизм по отношению к правительству и особенно к его ценности как инструмента позитивного формирования общества. В послевоенную эпоху, когда противодействие самим целям левой социальной инженерии становится все более публично неприемлемым, консерваторы перешли от борьбы с целями левых к борьбе со средствами левых; их врагом становится уже не эгалитаризм, а иерархически организованное навязываемое вмешательство государства в жизнь общества.

Левые стремятся достичь эгалитаризма. Либертарианство доминировало над послевоенным консерватизмом в англосфере, и доминирующей темой в книгах Оруэлла является антиавторитаризм. В романе «1984» главным антагонистом является Старший Брат (*Big Brother*, в некоторых русских переводах используется буквальный перевод – «Большой Брат»), олицетворение самого правительства. Хотя он представлен жителям Океании как реальный человек и их лидер, читателю совершенно ясно, что независимо от реальности или нереальности этого человека в мире романа Старший Брат на практике является символом.

Это может объяснить, почему преклонение перед Оруэллом в настоящее время является в основном консервативным явлением, но есть и более глубокие причины для привлекательности Оруэлла для правых и в значительной степени двойственного отношения к нему со стороны сегодняшних левых, несмотря на их громкие заявления о том, что «Оруэлл был социалистом!» и, стало быть, одним из них. Оруэлл входит в число любимых авторов Джона Дербишира, и гораздо более радикальные деятели, такие как Уильям Лютер Пирс и Джеймс Мейсон, почти постоянно ссылались на него; он явно имел на них большое влияние, несмотря на его антифашистские убеждения. Оба последних были решительными противниками антиавторитарной контркультуры 1960-х годов, так что в Оруэлле помимо недоверия к власти есть что-то еще, что привлекало их и многих других правых.

Хотя некоторые либералы ссылались на Оруэлла в годы правления Трампа, в основном эти упоминания были бессмысленны, например, предположение о том, что Трамп якобы был оруэлловским тираном, а также высказывания вроде того, что с Джулианом Ассанжем следует обращаться как с врагом государства за распространение недоверия к властям, и что подбор фактов для публикации и замалчивание противоположных идей как дезинформации является компетенцией правительства. Это говорит только о личном недостатке самосознания и показывает полное отсутствие критического мышления. Единственный интеллектуально серьезный левый, который часто цитирует Оруэлла, – это Ноам Хомский.

Хомский достиг своего пика популярности в 2000-х годах как критик американского правительства, и это было в основном потому, что в то время левые чувствовали себя отрезанными от власти восходящей неоконсервативной гегемонией времен Буша. В то время Оруэлл недолго пользовался популярностью у левых, и его часто цитировали в целях критики «Патриотического Акта» (Закона о борьбе с терроризмом) и других неоконсервативных нападков на гражданские свободы, но впоследствии почти все левые, кроме меньшинства (последние из которых стали основой более настроенного против истеблишмента крыла движения Берни Сандерса) вернулись к поддержке аме-

риканского полицейского государства – как это было в годы правления Клинтона – при администрациях Обамы и Трампа. Следовательно, популярность Хомского упала, как и уменьшилось количество упоминаний Оруэлла левыми.

В Оруэлле есть нечто более глубокое, чем недоверие к власти как таковой. Неявным, но имплицитным в произведениях Оруэлла было сформулированное Руссо понимание человека как доброго от природы. В «1984» главный герой романа Уинстон Смит, наблюдая через окно за старой женщиной из рабочего класса (называемого «пролами» на жаргоне антиутопии Оруэлла), стирающей одежду, приходит к выводу, что надеяться следует лишь на низшие слои общества, которые наименее коррумпированы партией. В своем эссе «Политика и английский язык» Оруэлл пишет:

«В наше время политическая речь и письмо в большой своей части – оправдание того, чему нет оправдания. Продление британской власти над Индией, русские чистки и депортации, атомную бомбардировку Японии, конечно, можно оправдать, но только доводами, непереносимо жестокими для большинства людей, – и к тому же они несовместимы с официальными целями политических партий. Поэтому политический язык должен состоять по большей части из эвфемизмов, тавтологий и всяческих расплывчатостей и туманностей. Беззащитные деревни бомбят, жителей выгоняют в чистое поле, скот расстреливают из пулеметов, дома сжигают: это называется *миротворчеством*. Крестьян миллионами сгоняют с земли и гонят по дорогам только с тем скарбом, какой они могут унести на себе: это называется *перемещением населения* или *уточнением границ*. Людей без суда годами держат в тюрьме, убивают пулей в затылок или отправляют умирать от цинги в арктических лагерях: это называется *устранением ненадежных элементов*. Такая фразеология нужна, когда ты хочешь называть вещи, но не хочешь их себе представить. Такая фразеология необходима, если кто-то хочет называть вещи, не вызывая их мысленных образов».

Оруэлл явно считал, что тоталитаризм, против которого он выступал, не соответствовал человеческой природе и возник неестественным путем. Он не видит в нем естественного состояния человека и определяет язык, защищающий его, как неизбежно столь же неестественный. «1984» был опубликован тремя годами позже и в форме романа подробно раскрывает многие из тех же тем. Поскольку мысли людей естественно враждебны партии и установленному ею порядку, сам язык должен быть испорчен, чтобы неестественно изменить их мысли. Отношение партии к сексу – еще один пример того, как Оруэлл в своих произведениях создает дихотомию между естественной, здоровой и добродетельной природой человека и развращающими влияниями тоталитарного общественного порядка, и это, пожалуй, самое выразительное и пронизательное в романе.

Антиполовой союз не следует ошибочно понимать как олицетворение традиционного ханжества; в романе ясно сказано, что это инициатива партии и что-то новое:

«Партия стремилась не просто помешать тому, чтобы между мужчинами и женщинами возникали узы, которые не всегда поддаются ее воздействию. Ее подлинной необъявленной целью было лишить половой акт удовольствия. Главным врагом была не столько любовь, сколько эротика – и в браке и вне его. Все браки между членами партии утверждал особый комитет, и – хотя этот принцип не провозглашали открыто, – если создавалось впечатление, что будущие супруги физически привлекательны друг для друга, им отказывали в разрешении. У брака признавали только одну цель: производить детей для службы государству. Половое сношение следовало рассматривать как маленькую противную процедуру, вроде клизмы. Это тоже никогда не объявляли прямо, но исподволь вколачивали в каждого партийца с детства. Существовали даже организации наподобие Молодежного антиполового союза, проповедовавшие полное целомудрие для обоих полов. Зачатие должно происходить путем искусственного осеменения (искос на новоязе), в общественных пунктах. Уинстон знал, что это требование выдвигали не совсем всерьез, но, в общем, оно вписывалось в идеологию партии. Партия стремилась убить половой инстинкт, а раз убить нельзя, то хотя бы извратить и запачкать. Зачем это надо, он не понимал: но и удивляться тут было нечему. Что касается женщин, партия в этом изрядно преуспела».

То, как Оруэлл описывает своих злодеев, также не следует неправильно истолковывать как защиту им свободной любви. Здоровая альтернатива партийной антисексуальной идеологии представлена читателю в отношениях Уинстона с Джулией. Главный, окончательный акт бунта Уинстона – это любить другого человека больше, чем Старшего Брата, формируя естественную и здоровую связь вместо тех ложных, искусственных и болезненных связей, которые граждане Океании испытывают к Старшему Брату. Кульминация книги наступает, когда партия, наконец, лишает Уинстона любви к Джулии, единственного естественного человеческого чувства, которое он испытал, вопреки им. Хотя Оруэлл был сторонником социалистических политических реформ, невозможно переоценить тот факт, что окончательная победа партии в романе «1984» – это социальная инженерия, преодолевшая человеческую природу Уинстона. Истинное зло партии состоит в том, чтобы отделить человека от его природы.

Оруэлл разделяет свою веру в природную добродетель человека с Кропоткиным, Моррисом и другими социалистами девятнадцатого века, и в ином смысле, чем современные, постхристианские правые, такие как Дербишир, Пирс и Мейсон, но вовсе не так, как на это смотрит большинство современных левых. В девятнадцатом веке христианство сформировало понимание правых, а также почти всех обычных людей и даже многих эгалитарных радикалов. В

христианском мировоззрении человек изначально испорчен грехом и потребностями. В католическом и православном понимании необходимо любящее руководство твердой, иерархической церкви, а в протестантском понимании – крепкие личные отношения с Богом и убежденность в христианстве, чтобы защитить и возвысить человека над его собственной низменной природой. Руссо полностью перевернул это с ног на голову, провозгласив природную добродетель человека и разлагающее влияние общества. Такой же точки зрения придерживались социалисты-идеалисты девятнадцатого века.

Хотя очевидно, что анархизм никогда не применялся в качестве национальной политики нигде в мире в течение двадцатого века (если не считать небольших анклавов, образовавшихся в разгар гражданских войн на Украине и в Испании), многие левые реформы были реализованы, и хотя некоторые из них, такие как социальное государство всеобщего благосостояния, возможно, привели к повышению уровня жизни, ни одной из этих реформ никогда не удавалось вытащить на поверхность скрытую доброту человека, как это мог себе представить Руссо. Поскольку левым не удалось раскрыть истинное благородство человека и, что еще хуже, оказалось, что оно для них еще более неуловимо, поскольку их цели отошли от экономического равенства к всеобщему братству между людьми – что-то явно присутствовавшее даже в ранних левых работах, но часто сдерживаемое заботой о сохранении расы, научном понимании пола и подчинением экономическому эгалитаризму – в основном были заменены пониманием человека, не столь отличным от христианского, которому оно изначально противостояло. Даже термин «первородный грех» используется при объяснении понимания левыми значения расизма и рабства.

Хотя и современные левые, и Оруэлл являются эгалитаристами (Оруэлл был социалистом), Оруэлл считал человека слишком оторванным от своей природы, в то время как современные левые рассматривают человека (или, по крайней мере, белого человека) как расиста и сексиста по своей сути, запятнанного первородным грехом. Подобно злодеям Оруэлла, они хотят «исправить» человека. Очевидное сходство между программой партии в «1984» и сегодняшними левыми не ускользает от внимания их консервативных оппонентов и играет куда большую роль в популярности Оруэлла среди правых, чем его антиавторитаризм.

Постхристианские, антиэгалитарные правые имеют иное представление о добродетели, чем социалисты вроде Оруэлла, но, подобно Оруэллу, Моррису и Кропоткину, они разделяют веру в то, что человек от природы добродетелен. От Руссо они отличаются своей верой в то, что истинная природа человека не прячется за тлетворным влиянием общества и не нуждается в освобождении, а уже очевидна и хороша, как она есть, а от социалистов – своей верой в то, что эта природа уже отражена в неэгалитарных обществах. Джон Дербишир – светский консерватор, черпающий свои знания скорее из биологической

науки, чем из религии. В то время как большинство консерваторов либо недостаточно серьезны в интеллектуальном плане, либо слишком трусливы, чтобы атаковать цели левых, а не только их средства, Дербишир оспаривает саму идею о том, что равенство достижимо или даже обязательно желательно. Консерватор, он доволен человеком таким, какой он есть, и не видит необходимости спасать его сверхъестественными или политическими средствами.

Пирс и Мейсон гораздо более радикальны; они национал-социалисты. В отличие от Дербишира, они не обязательно довольствуются человеком таким, каков он есть, и хотят продолжить естественное биологическое развитие человека. Но они понимают природу человека не как препятствие для его дальнейшего развития, а как продукт миллионов лет эволюции и проникнутый инстинктами и побуждениями к выживанию и дальнейшему развитию. Оба эти человека выражают религиозное благоговение перед природой и ищут в ней смысл. Любая попытка изменить человеческую природу от ее естественной формы и целей к другим целям – целям, поставленным человеком вместо природы и вопреки природе, – является для них высшим святотатством. Все трое воспринимали истории Оруэлла о тиранах, развращающих добродетельную природу человека, гораздо глубже, чем просто содержащийся в этих произведениях антиавторитаризм.

Для большинства консерваторов, которые выступают только против средств левых, социализм Оруэлла вовсе не препятствие, а он скорее облегчает проглатывание его историй, потому что его злодеи мотивированы не эгалитаризмом, а самой властью. Оруэлл никогда не критикует цели эгалитаризма ни в одном из своих произведений, потому что он был с ними согласен, хотя и считал, что они полностью соответствуют человеческой природе. Консерваторы могут читать и цитировать Оруэлла, вовсе не конфликтуя при этом с послевоенным эгалитаризмом. Если бы Оруэлл был консерватором в 1940-х годах, его романы были бы антиэгалитарными, и сегодня консерваторы не стали бы цитировать их в приличном обществе.

Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.